О социальных и психологических условиях реализации права человека на защиту закона**А.Т. Рагимов**Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *notarius888@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются механизмы воздействия социальных и психологических факторов на реализацию права человека на защиту закона. Рассматривается эта проблема через призму право-защитных отношений, которые позволяют продемонстрировать в динамике, как данные факторы сказываются на состоянии правозащитной связи человека и государства. Сделана попытка показать особенности влияния социальных и психологических явлений на поведение человека, оказавшегося в роли управомоченной стороны правоотношения и на поведение государства, оказавшейся в роли обязанной стороны правоотношения.

Ключевые слова: правозащитные отношения, право человека на защиту закона, правосознание, правовая установка, мотив правового поведения, правовая ориентация

Для цитирования: Рагимов А. Т. О социальных и психологических условиях реализации права человека на защиту закона // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39, № 3. С. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-35-43

On the social and psychological conditions of the realization of the human right to the protection of the law**Azadi T. Ragimov**Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *notarius888@mail.ru*

Abstract. The article examines the mechanisms of the impact of social and psychological factors on the realization of the human right to the protection of the law. This problem is considered through the prism of human rights relations, which allow us to demonstrate in dynamics how these factors affect the state of human rights relations between a person and the state. An attempt is made to show the peculiarities of the influence of social and psychological phenomena on the behavior of a person who finds himself in the role of an authorized party to a legal relationship and on the behavior of a state that finds itself in the role of an obligated party to a legal relationship.

Keywords: human rights relations, human right to the protection of the law, legal awareness, legal attitude, motive of legal behavior, legal orientation

For citation: Ragimov A. T. On the social and psychological conditions of the realization of the human right to the protection of the law. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2021, vol. 39, no 3, pp. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-35-43 (In Russ.).

Среди прав и свобод человека, признанных Российской Федерацией, особое место занимает право человека на защиту закона. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона», – записано в статье 3 Всеобщей декларации прав человека [1, с. 40; 2]. В России признание за каждым индивидуумом права на защиту закона закреплено в статье 3 Декларации прав и свобод человека, согласно которой все граждане равны перед законом и имеют равное право на защиту закона независимо от национального или социального происхождения, языка, пола, политических и иных убеждений, религии, места жительства, имущественного положения или иных обстоятельств [3].

Право человека на защиту закона занимает особое место в системе прав человека. Оно позволяет человеку обеспечить свою безопасность как участника правовых отношений, выступает право-

вым способом отстаивания своей правовой защищенности через побуждение с помощью закона государства к выполнению им соответствующих обязанностей. При этом право человека на защиту закона следует отличать от такого понятия, как «право человека на защиту», которое в юридической науке, прежде всего, ассоциируется с действиями государства и его органов [4]. В приведенном высказывании не учитывается, что в изложенных выше нормативных документах признается именно право человека на защиту закона, а не право человека на защиту. Оно неотделимо от своего субъекта – человека, который только и может его реализовать как свое субъективное право. Признание у человека права на защиту закона означает признание именно субъективного права, а не дозволения или правомочия, заключенного в структуре каждого права человека, поскольку этими же источниками установлены не только его гарантии, но и соответ-

ствующие правозащитные обязанности международного сообщества и государства. Эти правозащитные обязанности прямо указывают на то, что потребность человека в правовой защищенности оформилось в его отдельное субъективное право – право на защиту закона.

Формой (способом) его реализации выступают правозащитные отношения, которые все более утверждаются в науке в качестве самостоятельной разновидности правоотношений в одном ряду с регулятивными и охранительными отношениями [5, 89; 6, с. 15; 7]. Важными для нашего исследования являются принципиальные отличия, существующие между этими разновидностями правовых отношений.

1) Одним из классифицирующих признаков правоотношений является то, что каждая их разновидность возникает на основе специфической группы правовых норм.

Назначение правовых норм, порождающих правозащитные отношения, заключается в том, чтобы нормативным и юридически значимым способом смоделировать поведение субъектов (сторон) правозащитных отношений. Правозащитными нормативными предписаниями не только формально признаются и определяются правозащитные полномочия человека и правозащитные обязанности государства, но и возводятся в закон правозащитные процедуры, а также их гарантии.

Как процедурно-процессуальные нормы, включающие в себе право человека на защиту закона и правозащитные обязанности государства, они характеризуются следующими особенностями:

а) регулируют особые общественные отношения, в рамках которых осуществляются такие процессуальные действия, как: признание компетентным субъектом правозащитных полномочий у человека; использование субъектом правозащитных полномочий специальных процедур их защиты; исполнение обязанной стороной правозащитных притязаний и др.;

б) в этих предписаниях право человека на защиту закона формируется в категорической форме («государство проводит незамедлительное и беспристрастное расследование или обеспечивает проведение расследования всякий раз, когда имеются разумные основания полагать, что на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, произошло нарушение прав человека и основных свобод» [8, с. 266]);

в) в них реализуются нормативные предписания о праве человека на защиту закона как в форме использования процессуальных норм уполномоченным субъектом («каждый вправе защищать свои права и свободы, всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), так и в форме исполнения процессуальных обязанностей стороной, на которую они возложены («при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддер-

живают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» [9, с. 176]);

г) процессуальные нормы, в которых закрепляется право на защиту закона, устанавливают право человека как на выбор различных процедурных правил осуществления самого этого права, так и на процедуры его исполнения обязанной стороной.

Именно через эти процедуры, характеризующие особую природу права человека на защиту закона как нормы процессуального права, в механизм их реализации проникают социальные и психологические факторы, определенным образом предопределяют адекватное восприятие субъектами правозащитных отношений заложенных в нормах процессуального права моделей поведения.

Правозащитные нормы в зависимости от уровня нормативной обобщенности подразделяются на общие и конкретные правовые нормы. Если первые из них носят более обобщенный характер (не теряя при этом своей нормативности и обязательности [10, с. 8]) и выступают в форме правовых деклараций и правовых принципов [7, с. 108], то вторые имеют конкретное содержание и фиксируют право человека на защиту закона, его разновидности, а также правозащитные обязанности государства, его органов и должностных лиц [7, с. 114]. Естественно, что и те, и другие характеризуются особыми инструментами социально-психологического свойства, сопровождающими воплощение правовых предписаний в жизнь.

2) Правозащитные отношения имеют особую правосубъектность, которая, в отличие от правосубъектности иных правоотношений, обусловлена тем, что право человека на защиту закона получило всеобщее признание как в международных [1, с. 40; 2, с. 556], так и во внутригосударственных актах (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Другими словами, правозащитная правосубъектность человека предопределена фактами существования человека и всеобщим признанием его прав.

В отличие от него, правозащитная правосубъектность государства (его органов и должностных лиц) как стороны правозащитного отношения в полном объеме подчинена интересам правозащитных правомочий человека и заключается в обладании соответствующими правами и обязанностями.

При реализации правозащитной правосубъектности как человеком, так и государством совершенно разные обстоятельства социально-психологического свойства будут определять содержание существующей между ними правозащитной связи, о которых остановимся ниже.

3) Необычную природу имеет и объект правозащитных отношений. Она определяется тем, что реализация права человека на защиту закона происходит не по поводу материальных ценностей, а по поводу соблюдения юридических процедур, порядка защищенности прав и свобод человека. К примеру, если объектом охранительного правоотношения выступает ценность, обеспеченная мерами юридической ответственности, то объектом

правозащитного отношения выступает ценность, заложенная в юридическом порядке осуществления охраны и защиты прав и свобод человека, гарантированная не мерами юридической ответственности, а мерами защиты.

4) И, наконец, нельзя не отметить особенности правозащитного юридического факта. Во-первых, он всего лишь обуславливает необходимость осуществления мер защиты, применение которых не зависит от вины действующего (бездействующего) лица и которые по своей правовой природе являются процессуальными фактами. Во-вторых, в отличие от охранительных юридических фактов, исчерпывающий перечень правозащитных фактов законодательно не установлен, что позволяет человеку обратиться к государству за защитой во всех случаях, когда он пришел к выводу о наличии реальной угрозы своей юридической безопасности. В-третьих, правозащитный факт свидетельствует о наличии нарушения или угрозы нарушения юридической безопасности человека вследствие несоблюдения порядка применения к нему мер охраны либо мер защиты.

В юридической науке имеется ряд исследований, посвященных различным аспектам механизма реализации (действия) права, в том числе прав и свобод человека [11; 12; 13]. Одни определяют его как «систему предусмотренных законом действий разнообразных субъектов» [11; 12], другие под ним понимают комплекс правовых средств и самостоятельных действий личности по реализации своих прав и свобод [13], третьи полагают, что это комплекс юридических действий или процессуальный правовой порядок [14, с. 7]. По нашему мнению, механизм реализации прав и свобод не следует рассматривать исключительно в формально юридическом аспекте. Этот механизм осуществляется под влиянием социального, психологического, политического, экономического и иных фактов, обуславливающих процесс реализации прав и свобод.

Исходя, прежде всего, из такого понимания механизма реализации прав и свобод мы полагаем возможным рассмотреть это явление с позиций анализа значения социальной и психологической сторон механизма реализации одного из важнейших естественных прав человека – права человека на защиту закона. При этом они будут рассматриваться не обособленно, а в рамках правозащитных отношений, с учетом их особенностей.

Говоря о социальном механизме действия права, иногда выдают его в качестве понятия, объединяющего юридическое и психологическое [15, с. 202]. На наш взгляд, это самостоятельные понятия, имеющие самостоятельное назначение в этой системе. Социальный механизм реализации права человека на защиту закона характеризует процесс влияния социальных факторов на поведение (деятельность) субъектов правозащитных отношений: с одной стороны, человека, обладающего (или пользующегося) субъективным правом (и обязанностью) при защите своих интересов, пользую-

щегося предоставленными законом возможностями, а с другой – государства, его органов и должностных лиц с соответствующими (корреспондирующими) юридическими обязанностями (и правами) по обеспечению требований, вытекающих при реализации человеком субъективного права.

К социальным факторам, прямо или опосредованно влияющим на процесс реализации человеком субъективного права на защиту закона следует отнести: знание человеком своих прав (его правовую образованность) и юридическую подготовленность представляющих государство в конкретном правозащитном отношении должностных лиц (их компетентность); сформировавшиеся отношения в обществе между человеком и государством; состояние социальной справедливости в обществе в целом и в среде составляющих его социальных групп; уровень правосознания в обществе и конкретного человека – обладателя субъективного права; ценностные ориентации в праве, в частности, в процессуальных нормах права.

Правовая образованность человека – это весьма важный фактор, который может поставить под угрозу процесс правореализации. Особое значение он имеет при осуществлении человеком своего субъективного права на защиту закона. Насколько адекватными будут его действия при выборе варианта поведения, настолько эффективными будут результаты защищаемых интересов. Если иметь в виду, что речь идет о процессуальных нормах, информированность о которых удел узкого круга специалистов, то у человека возникают объективные сложности по поводу того, когда и каким образом реагировать на угрозы его правозащитной безопасности. Если упущено время или сделан неправильный выбор средств защиты, неизбежными станут негативные для него последствия.

Кроме того, надеяться на чью-то подсказку, когда человек сталкивается с самим государством, нереально. Ситуация для человека складывается весьма специфическая. Он оказывается в совершенно иной социальной среде, настроенной институционально агрессивно по отношению к нему. Чисто психологически человек оказывается под давлением понимания своей незначительности по сравнению с той машиной, которая называется государством.

Учитывая эти обстоятельства, в работе по повышению правовой образованности необходимо использовать, прежде всего, законодательно, такие методы, средства и формы изложения процессуальных норм, чтобы максимально выровнять правовые возможности человека и государства. Конечно, очевидно, что правовое образование и просвещение, которые в последние 30 лет практически потеряли свои позиции, должны претерпеть изменения как по содержанию, так и по направленности. Но, если официальная правовая политика исходит из принципа «незнание закона не освобождает от ответственности», то это вовсе не означает, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

С другой стороны, нельзя умалять значения юридической подготовленности государственных должностных лиц. В целом они, как правило, имеют специальную подготовку и опыт по профилю. Но как же объяснить такое количество обращений в Европейский Суд по правам человека в связи с нарушениями прав человека в деятельности судебных и иных органов власти России?!* О серьезных проблемах в этой сфере свидетельствует собственная статистика самих государственных органов. Так, только органами прокуратуры Республики Дагестан в 2020 г. на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено более 35,5 тыс. нарушений, отменено 8001 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела**.

Видимо, существуют серьезные проблемы в организации правовой подготовки должностных лиц органов власти Российского государства, имеющих отношение к реализации права человека на защиту закона (да и в целом прав человека). Отсутствие профессионализма у представителя власти осложняет сам процесс взаимодействия человека с государством, начиная со стадии возникновения правозащитного отношения.

Конечно, у человека и у представителя власти, как сторон правозащитного отношения совершенно разные возможности в плане правовой подготовленности; если первый об этом начинает задумываться при возникновении угрозы правозащитной безопасности, то второй специально подготовлен для реакции, в том числе для соответствующего реагирования на право притязания человека в возникающих правовых отношениях. Естественно, они первоначально имеют разный стартовый потенциал, который в определенной степени определяет и перспективу разрешения конфликта между человеком и государством.

На каждом историческом этапе развития общества складываются характерные отношения между человеком и государством, которые становятся решающими в момент смены общественно-экономических формаций. Какими параметрами можно было бы их определить в условиях современной России? Несомненно, в позитивном плане следует отметить существенный прогресс, связанный с признанием прав человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Он должен в корне изменить принципы и характер взаимоотношений между этими историческими спутниками современной цивилизации. Человек, его права и свободы должны определять смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваться правосудием (ст. 18 Консти-

туции РФ). Прошло почти 30 лет с момента законодательного признания естественных прав человека на территории России [3], и за этот период были внесены кардинальные изменения в законодательство, существенная реорганизация произошла в системе органов власти. Эти процессы продолжаются и сегодня. Активно развивается наряду с материальным правом процессуальное законодательство. Принципиальное значение в рассматриваемом нами аспекте имеет принятие Кодекса административного судопроизводства РФ в 2015 г. Ведь именно в этой сфере всегда человек испытывал наибольшие трудности с реализацией своих прав, поскольку законодательство, регулирующее административно-правовые отношения, было громоздким и запутанным, оно давно отставало от происходящих в обществе изменений. В значительной мере над ним довлело административное законодательство, основанное на иных управленческих принципах, по которым человек не рассматривался наравне с государством как субъект правовых отношений. По выражению Председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева: «Цель принятия Кодекса административного судопроизводства: уравнять возможности сторон на процессе. Ведь изначально у государственной организации сил намного больше. Поэтому процедуры защищают именно гражданина» [16].

Это, на наш взгляд, лишь первый шаг на пути к реальному обеспечению провозглашенных принципов по возвышению человеческой ценности. Помимо законодательных новелл, безотлагательно решения требуют вопросы организационного, организационно-технического и процедурно-процессуального характера, откладывание которых создает угрозу возникновения открыто враждебных отношений между властью и человеком. Последний должен чувствовать себя на правах равного, как сторона в рамках возникающих правозащитных отношений, что в социально-психологическом плане, в конечном итоге, выгодно и государству.

Состояние социальной справедливости в обществе в целом и в среде отдельных социальных групп всегда определяется отношением власти и закона к человеку. Государство должно быть заинтересовано в социальном благополучии человека, в его удовлетворенности уровнем своего благополучия и правовой защищенности. Последнее есть условия безопасности государства. Их отсутствие порождает несправедливость, социальные катаклизмы и революции. Необходимо найти такие организационно-правовые инструменты и формы, которые бы нивелировали (либо свели к минимуму) то фактическое социально-психологическое неравенство, в котором оказывается человек после первых же попыток привлечь представителей власти к выполнению их же законных обязанностей. Сразу же он впадает в немилость, государственная машина набирает обороты в сторону агрессивности, включающей нравственно-психологические рычаги давления. Поэтому должна быть учтена специфика этих отношений. Другими словами, ес-

* По отчетам 2019 года Россия возглавила список лидеров по числу жалоб в ЕСПЧ. Из 59800 жалоб на Россию приходится 15037, а годом ранее было 12000. См.: *Pravo.ru*. 29 января 2020 г.

** См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан в 2020 году. Махачкала, 2020. С. 75.

ли в обычном правоохранительном отношении сторонами выступают человек, совершивший правонарушение, и представитель власти, призывающий его к ответственности, то в правозащитном отношении стороной становится человек, обладающий правом требовать у представителя власти совершения определенных законом действий в своих интересах, и представитель власти, обязанный их осуществить. Эта разница в характере таких отношений требует несколько иного подхода ко всем вопросам, возникающим в этой связи.

Уровень правосознания в обществе также является важным социальным фактором, имеющим непосредственное отношение к реализации права человека на защиту закона. Правосознание как одна из форм общественного сознания представляет собой систему правовых взглядов, идей, убеждений, оценок, через которые человек, социальные группы и общество в целом выражают свое отношение к правовым явлениям. Насколько развиты в обществе правовые идеи, концепции, теории, насколько граждане позитивно относятся к закону, активно следуют его предписаниям, одобрительно относятся к правовой деятельности в обществе, настолько можно рассчитывать на цивилизованное развитие государственно-правовых институтов и гарантированность юридической безопасности человека.

В правозащитном отношении сталкиваются индивидуальное обыденное правосознание человека и корпоративное профессиональное правосознание (преимущественно) юристов-практиков, обладающих систематизированными знаниями, умениями и навыками. Человек в этой ситуации опять-таки оказывается неравным с представителем власти. В принципе это неизбежно, что можно значительно смягчить, на наш взгляд, двумя путями. Первое, над чем надо работать постоянно и систематически, это над формированием общественного правосознания в целом и созданием благоприятной среды для становления индивидуального правосознания. Это задача, прежде всего, государственных структур, вытекающая из Конституции РФ (ст. 48), гарантирующей право на получение квалифицированной юридической помощи. Второе направление работы должно касаться повышения уровня профессионального правосознания. Современное ее состояние нельзя признать удовлетворительным. Об этом свидетельствуют масштабы коррупции, состояние служебной дисциплины, нравственно-этический портрет сотрудника власти, многочисленные рецидивы однотипных правонарушений, в том числе ставшие предметом рассмотрения международных судебных инстанций.

Ценностные ориентации в праве влияют через правосознание на поведение человека, защищающего свои права, и на деятельность представителей власти. Они ими могут быть восприняты по-разному в силу различных факторов. На проявление в поведении человека ценностных ориентаций, несомненно, будет влиять его образовательный уровень, среда воспитания, его политические

предпочтения, представления о равенстве, справедливости, свободе и т.д. Представитель власти также будет испытывать воздействие этих обстоятельств на весь процесс принятия решений. В юридической литературе все эти факторы подразделяют на две группы: ценности в праве и правовые ценности.

К ценностям в праве относится то, что чисто интегрировано правом [17, с. 174]: этические, политические, экономические, мировоззренческие и иные элементы социальной культуры. Под правовыми ценностями понимается то, что нашло «олицетворение в праве полностью или частично» [18, с. 79] – свобода, справедливость, равенство, добро и т.д.

С указанными ценностями при реализации права на защиту закона человек сталкивается в обстановке противостояния с государством. Его отношение к тем или иным ценностям и правовая ориентация изначально происходят в ситуации, когда он на себе почувствовал негативное воздействие этих ценностей, оказался ущемленным с точки зрения его правовой безопасности. Восстановление в нем веры в справедливость, торжество закона, как ценности, непосредственная задача государства, как стороны возникших правозащитных отношений. В рамках этих отношений у государственных органов возникает обязанность не только устранить угрозы правовой защищенности человека путем совершения требуемых действий, но и решить задачи по укреплению в гражданине чувства справедливости, равенства, добра и законности. Представители власти не всегда отдают себе отчет в том, насколько в этом плане важна их деятельность. Человек должен чувствовать равное и справедливое отношение к себе в рамках установившихся правовых связей, где он выступает формально (юридически) равноправным участником, а фактически далеко не так, и потому они значительно комфортнее для второго участника.

Психологические факторы, которые опосредуют реализацию права человека на защиту закона, предполагают определенную роль человека как носителя субъективного права. П.И. Новгородцев писал, что успех действия права в жизни обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку [19, с. 162]. Поэтому в этой ситуации очень важно своевременно и объективно довести содержание правовой нормы до человека, чтобы как-то «смягчить» действие принципа презумпции знания права.

Помимо того, законодателю важно учесть, как минимум, два момента, которые могут существенно повлиять на психологические составляющие определения поведения человека. Первый момент сводится к тому, чтобы при формулировании правил поведения максимально учесть чувственное составляющее в познании права, в основе которого лежит чувство справедливости. Второй момент сводится к технике (или к технологии) правильного моделирования логики соответствующей поведения человека. Законодательно необходимо стре-

миться к тому, чтобы правовое сознание индивида, как писал Ж. Карбонье, смогло бы восстановить ее логику и таким образом понять суть правовых требований в каждом конкретном случае [20].

В психологическом действии права юристы выделяют мотивы правового поведения и правовые установки.

Мотив (лат. *movere* – побуждать, приводить в движение) – это понятие, описывающее сферу побуждения субъекта к деятельности [21].

В литературе обычно выделяют два вида мотивов, влияющих на правовое поведение:

1) сдерживающие мотивы, которые формируются путем установления запретов;

2) побудительные мотивы, формируемые путем введения обязанностей и дозволений.

В механизме правозащитного регулирования и те, и другие имеют место. Сдерживающие мотивы обеспечивают правозащитную обязанность человека в рамках общих правозащитных отношений, а побудительные мотивы в рамках уже конкретных правозащитных отношений обеспечивают предупреждение и устранение угроз правозащитной безопасности человека.

Степень актуализации мотивов при реализации человеком права на защиту закона зависит от того, в каком он находится психологическом состоянии. Можно выделить три вида такого состояния: состояние психологической обороны, состояние защитной психологии и психологию наступления. В рамках общих правозащитных отношений человек наслаждается своей правозащитной безопасностью, и мотивация здесь у него мирно оборонительная, которая может выражаться в его состоянии удовлетворенности своим правовым положением и отсутствием последнему угроз. С момента появления этих угроз мотивационные акценты человека перестраиваются в цепь активных целенаправленных действий, направленных на устранение угроз своей правовой безопасности. Все это уже происходит в рамках конкретных правозащитных отношений, где человек своими законными правозащитными требованиями обращается к государству как обязанной стороне правоотношения. Его главной мотивацией становится восстановление своей правовой защищенности. От состояния удовлетворенности мотив человека превращается в активно отрицательный, агрессивный. Он мобилизуется на использование всего арсенала правозащитных полномочий. В случае недостижения мотивационных целей человек переходит на следующий уровень актуализации мотивов в рамках уже правоохранительных отношений, идет в «наступление», «атаку» с соответствующей мотивацией. Уже в принципиально ином статусе человек, как обвинитель, требует через репрессивные меры восстановления своего нарушенного правового состояния защищенности. Виновной стороной при этом уже выступает государство. Поэтому у человека должна быть такая мотивационная активность, чтобы преодолеть изначально неравное противостояние. Только наступательный характер

его действий может обеспечить достижение его мотивационных целей – добиться своей правозащитной безопасности.

Правовая установка в психологическом механизме действия права – эта сформировавшаяся в результате правовой социализации человека его поведенческая готовность (предрасположенность) к значимому с точки зрения права – правомерному или неправомерному – варианту поведения [22, с. 19].

В юридической литературе предлагается отличать правовые установки личности от правовой установки законодателя (государства), выраженной в норме действующего права. Н.В. Щербакова считает, что правовые установки государства, будучи усвоенными личностью, становятся ядром личностных правовых установок [22, с. 19]. Трудно не согласиться с данным суждением, поскольку в позитивном праве содержатся установки государства, в том числе адресованные человеку (личности, гражданину). Однако полагаем, что в равной степени соответствующие установки содержатся в нем, адресованные государству (его органам, должностным лицам). Они чаще всего настолько взаимосвязаны, что определенным установкам для личности устанавливаются корреспондирующие установки для государства. Так, в правозащитном отношении праву человека требовать от органов государства совершения определенных действий в своих интересах установлена в законе соответствующая обязанность органов государства.

Кроме того, хотя правовые установки законодателя являются определяющими для личности, нельзя забывать о той серьезной роли, которую играют в формировании правовой установки личности, ее опыта, окружающей социальной среды, господствующей правовой политики и практики и т.д. Далеко не безграмотные люди становятся нарушителями закона под неоднозначным воздействием отмеченных факторов.

Поэтому говоря о правовых установках человека при реализации права на защиту закона, необходимо иметь в виду вытекающие из возникающих правозащитных отношений правовые установки государства. Они также формируются при решающей роли законодателя и, несомненно, под влиянием сформировавшегося опыта работы государственных органов (со всеми ее изъятиями), государственно-правовой политики, состояния правовой культуры, роли и значения личности в обществе и т.д.

Учитывая характер отношений, которые складываются у человека с государством при реализации им права на защиту закона, следует выделить общие и конкретные правовые установки человека и государства.

Общие правовые установки человека скрыты в естественной природе самого права человека на защиту закона. Как писал И. Кант, «каждый человек обязан отстаивать свое право» и следить за тем, чтобы другие «не топтали его ногами», человек «не должен отказываться от человеческого пре-

имущества иметь право, а обязан так долго отстаивать его, как только может» [23, с. 52].

Они складываются в процессе его многосторонней правовой деятельности. Они могут касаться как самого законодательства, так и практики его реализации, а также связанных с ними правовых явлений. Очень важно, насколько человек готов к восприятию правовых установок законодателя с тем, чтобы они превратились в ядро личностных правовых установок [22, с. 19]. Государство заинтересовано в таком социальном эффекте и потому как в ходе законотворческого процесса, так при информировании населения о принимаемых и принятых законодательных (нормативных) актах должны быть использованы целенаправленные и эффективные организационно-правовые методы и средства. Однако современные информационно-пропагандистские каналы засорены, в большей степени заняты материалами, насаждающими негативное представление о законодателях, о законах, правоприменительной практике, в целом о правовой действительности в России. Очень непросто в таких условиях происходит формирование общих правовых позиций и установок у человека. Отсутствие у последнего готовности позитивно воспринимать законодательство и правовые реалии в целом делает сомнительными по содержанию его правовые установки в конкретных правовых отношениях, и в правозащитных отношениях, в частности.

Общие правовые установки государства, главным образом, отражаются на законодательстве. Помимо этого, они проявляют себя в сложившихся правовых традициях и обычаях, в прецедентном правоприменении. Применительно к ситуации с реализацией человеком права на защиту закона они, на наш взгляд, должны иметь своим содержанием обеспечение состояния общей правовой защищенности человека, его правовой безопасности в рамках регулятивных и правоохранительных отношений. От их незыблемости и ориентированности на обеспечение прав человека во многом зависят конкретные правовые установки органов и должностных лиц государства.

Конкретные правовые установки человека, реализующего право на защиту закона, формируются в процессе его правозащитной деятельности и под воздействием его общих правовых установок. Но, в отличие от иных правовых ситуаций, в данном случае человек изначально имеет установку и готовность отстоять, используя свои правомочия, собственную правовую безопасность. Ее иначе можно назвать естественной правовой установкой человека, которая предопределяется не только исторической правовой практикой человека в этой среде, но и природой складывающихся отношений. Учитывая все это, ее содержание можно охарактеризовать как инстинктивно-импульсивное. Это равносильно тому, когда человек, будучи с пра-

вильными правовыми установками, оказывается пораженным со стороны государства, которое и должно было обеспечить его безопасность. Естественно, оно не ожидает такой агрессивно-наступательной позиции со стороны человека-гражданина, что решительно предопределяет установки (позицию) государства в этих отношениях.

Правовые установки органов государства и должностных лиц проявляются в момент право-требований человека к ним как правообязанной стороне. Их содержание определяется, несомненно, под влиянием общих правовых установок и той практикой, которая сложилась в рамках определенных историко-правовых реалий, характеризующих отношения человека и государства. Учитывая, что эти отношения на стадии зарождения (становления) и поэтому еще не в полной мере сформировались, они не могут выступать в качестве определенного опыта в полноценном формате. И это обстоятельство, конечно, будет сказываться на правовых установках государства в конкретных правозащитных отношениях.

В заключение сделаем некоторые выводы, вызванные выше изложенным.

1. Значение социальных и психологических факторов в механизме реализации права человека на защиту закона наиболее четко просматривается именно через призму правозащитных отношений, прежде всего, конкретных правозащитных отношений.

2. Рассматривая роль психологических факторов в конкретных правозащитных отношениях, необходимо учитывать необычную среду их проявления. Человек, нередко с положительными правовыми ориентациями, с момента реагирования на угрозы его правозащитной безопасности, инициирования им же объективного требования к государству об устранении возникших угроз ставит себя в совершенно иную позицию в отношениях с государством, нежели в рамках правоохранительных и регулятивных отношений: он требует, а государство обязано. Иначе говоря, в формально юридическом плане происходят статутные изменения, появляется их новый социально-правовой статус в рамках правозащитных отношений.

3. Особое место в механизме реализации права человека на защиту закона имеют психологические факторы. Мотивы правового поведения и правовые установки человека в конкретных правозащитных отношениях, возникших в связи с возникновением именно со стороны государства угрозы его правозащитной безопасности, имеют один вектор проявления – устранение возникших угроз и восстановление своей безопасности. В этих целях человек мобилизует весь свой психологический потенциал по противостоянию используемым государством методам и средствам психологического воздействия.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2. изд., доп. М. : Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2. изд., доп. М. : Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002.
3. Декларация прав и свобод человека. Принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37, ст. 1083.
4. *Богдановская В.А.* Конституционное право на защиту в сфере уголовного судопроизводства: проблемы реализации // Адвокат. Февраль. 2005. № 2.
5. *Анисимов П.В., Лазарев В.М.* Метод правозащитного регулирования. Волгоград, 2005.
6. *Ревина Е.В.* Правозащитные отношения: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
7. *Рагимов А.Т.* Общетеоретические проблемы правозащитных отношений. М., 2010.
8. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы // Неправительственные правозащитные организации Российской Федерации: справочник / под ред. О.О. Миронова. М., 2002.
9. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 2000.
10. *Лучин В.О.* Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997.
11. *Усанов Д.О.* Понятие механизма реализации прав и свобод человека и гражданина: Современные подходы к изучению проблемы // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2016. № 12 (33). С. 29–31.
12. *Кокшарова А.Н.* Психологические аспекты непосредственной реализации права // Психологические аспекты непосредственной реализации права // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (25–26 апреля 2013 г., г. Пермь). Пермь, 2013. С. 41–43.
13. *Белявская О.В.* Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.
14. *Ростовищikov И.В.* Обеспечение и защита прав и свобод личности: Вопросы теории и практики органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
15. *Лапаева В.В.* Социология права / под ред. академика РАН д.ю.н., проф. В.С. Нерсисянца. М., Норма, 2004.
16. *Куликов В.* «Спорная норма. Верховный суд готовит разъяснение, как оспаривать приказы». URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/27157/ (дата обращения: 20.05.2021).
17. *Рашева Н.Ю., Гапонов Н.Д.* Ценность в праве в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2006. № 1.
18. *Графский В.Г.* Традиции и обновление в праве // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996.
19. *Агафонов Ю.А., Шалин В.В., Зимонина Н.А.* Русская философия и сомнения права. Ростов н/Д.: Феникс, Краснодар: Краснодарская акад. МВД России, 2004.
20. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. Благовещенск : Благовещ. гуманитар. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
21. Большой психологический словарь / Авдеева Н. Н. и др.; под ред. Б.Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. URL: <https://psychological.slovaronline.com/1042-MOTIV> (дата обращения: 20.05.2021).
22. *Щербакова Н.В.* Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986.
23. *Соловьев Э.Ю.* И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992.

References

1. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dek. 1948 g. // Mezhdunarodnye акты o pravakh cheloveka: sb. dok. / sost. i avt. vstup. st.: V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. 2. izd., dop. M. : Izd-vo NORMA (Izd. gruppа NORMA-INFRA-M), 2002.
2. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyab. 1950 g. // Mezhdunarodnye акты o pravakh cheloveka: sb. dok. / sost. i avt. vstup. st.: V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. 2. izd., dop. M. : Izd-vo NORMA (Izd. gruppа NORMA-INFRA-M), 2002.
3. Deklaratsiya prav i svobod cheloveka. Prinyata S"ezdom narodnykh deputatov SSSR 5 sentyabrya 1991 g. № 2393-1 // Vedomosti SND i VS SSSR. 1991. № 37, st. 1083.
4. *Bogdanovskaya V.A.* Konstitutsionnoe pravo na zashchitu v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: problemy realizatsii [Constitutional right to protection in the field of criminal proceedings: problems of implementation], *Advokat. Fevral'*, 2005, no. 2. (In Russian).
5. *Anisimov P.V., Lazarev V.M.* Metod pravozashchitnogo regulirovaniya [Method of human rights regulation], Volgograd, 2005. (In Russian).

6. *Revina E.V.* Prvozashchitnye otnosheniya: teoretiko-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Human rights relations: theoretical and legal aspects, Cand. Law sci. diss. Abstr.], Saratov, 2008. (In Russian).
7. *Ragimov A.T.* Obshcheteoreticheskie problemy prvozashchitnykh otnoshenii. Moscow, 2010.
8. Deklaratsiya o prave i obyazannosti ot del'nykh lits, grupp i organov obshchestva pooshchryat' i zashchitat' obshchepriznannye prava cheloveka i osnovnye svobody, Nepravitel'stvennye prvozashchitnye organizatsii Rossiiskoi Federatsii: spravochnik [non-governmental human rights organizations of the Russian Federation:], ed. O.O. Mironov. Moscow, 2002. (In Russian).
9. Kodeks povedeniya dolzhnostnykh lits po podderzhaniyu pravoporyadka [Code of conduct for law enforcement], *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov* [International acts on human rights: collection of documents], Moscow, 2000. (In Russian).
10. *Luchin V.O.* Konstitutsionnye normy i pravootnosheniya [Constitutional norms and legal relations], Moscow, 1997. (In Russian).
11. *Usanov D.O.* Ponyatie mekhanizma realizatsii prav i svobod cheloveka i grazhdanina: Sovremennye podkhody k izucheniyu problemy [The concept of the mechanism for the realization of human and civil rights and freedoms: Modern approaches to the study of the problem], *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*, 2016, no. 12 (33), pp. 29–31. (In Russian).
12. *Koksharova A.N.* Psikhologicheskie aspekty neposredstvennoi realizatsii prava [Psychological aspects of the direct realization of the right], *Psikhologicheskie aspekty neposredstvennoi realizatsii prava*, Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh (25–26 aprelya 2013 g., g. Perm'). Perm', 2013, pp. 41–43.
13. *Belyavskaya O.V.* Mekhanizm neposredstvennoi realizatsii prav i svobod lichnosti [Mechanism of direct realization of individual rights and freedoms], Cand. Law sci. diss. Abstr. Tambov, 2003. (In Russian).
14. *Rostovshchikov I.V.* Obespechenie i zashchita prav i svobod lichnosti: Voprosy teorii i praktiki organov vnutrennikh del [Ensuring and protecting the rights and freedoms of the individual: Issues of theory and practice of internal affairs bodies], Cand. Law sci. diss. Abstr., Moscow, 1997. (In Russian).
15. *Lapaeva V.V.* Sotsiologiya prava [Sociology of Law] ed. V.S. Nersesyants. Moscow, Norma Publ., 2004. (In Russian).
16. *Kulikov V.* "Spornaya norma. Verkhovnyi sud gotovit raz'yasnenie, kak osparivat' prikazy". (In Russian). Available at: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/27157/ (accessed 20.05.2021).
17. *Rasheva N.Yu., Gaponov N.D.* Tsennost' v prave v kontekste sistemy tsennostei sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Value in law in the context of the value system of modern Russian society], *Vestnik MGTU*, 2006, no. 1. (In Russian).
18. *Grafskii V.G.* Traditsii i obnovlenie v prave [Traditions and renewal in law], *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie*. Moscow, 1996. (In Russian).
19. *Agafonov Yu.A., Shalin V.V., Zimonina N.A.* Russkaya filosofiya i somneniya prava [Russian philosophy and doubts of law.], Rostov n/D.: Feniks, Krasnodar: Krasnodarskaya akad. MVD Rossii Publ., 2004. (In Russian).
20. *Karbon'e Zh.* Yuridicheskaya sotsiologiya / per. i vstup. st. V.A. Tumanova. Blagoveshchensk : Blagoveshch. gumanitar. kolledzh im. I. A. Boduena de Kurtene, 1998.
21. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' / Avdeeva N. N. i dr.; pod red. B.G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. 4-e izd., rassh. M.: AST ; Sankt-Peterburg : Prain-Evroznak, 2009. (In Russian). Available at: <https://psychological.slovaronline.com/1042-MOTIV> (accessed 20.05.2021).
22. *Shcherbakova N.V.* Pravovaya ustanovka i sotsial'naya aktivnost' lichnosti [Legal attitude and social activity of the individual]. Moscow, 1986. (In Russian).
23. *Solov'ev E.Yu.* I. Kant: vzaimodopolnitel'nost' morali i prava [Kant: complementarity of morality and law]. Moscow, 1992. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рагимов Азади Тагирович, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: notarius888@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ragimov Azadi Tagirovich, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of Dagestan State University, doctor of law, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: notarius888@mail.ru

Поступила в редакцию 28 мая 2021 г.
Received 28 May, 2021